

А. Гюльмисерян

Поэзия высоких помыслов

Сегодня, накануне IV съезда советских писателей Армении, поэты республики подводят итоги своей почти четырехлетней творческой жизни. Это радостные итоги, несмотря на то, что имелись и писательские неудачи, идейно-художественные срывы. Но ведь не в них дело. Дело в пафосе, в генеральной линии, в дерзании и поисках, дело в большом, подлинном и вдохновенном служении народу. А это-то как раз и определяло пути развития армянской советской поэзии вообще и в частности за последние четыре года, пролегающие между третьим и четвертым писательскими съездами. Четыре года для судеб поэзии срок небольшой. Но четыре года напряженного, творческого труда принесли свои радости, рядом с которыми мало заметны неудачи, приносившие огорчения. Вот почему, подводя итоги, думаешь, конечно, о тех достижениях и успехах, о тех победах и поисках, которые, собственно, и определяли судьбы армянской советской поэзии.

Подлинный успех приходил тогда, когда писатель по-настоящему помнил о задачах сегодняшнего дня, когда он не забывал о том, что сегодня нужно читателю, нужно народу. Такое понимание задач поэзии, конечно, не исключало многообразия и сложности идейно-художественного содержания поэзии.

До сих пор говорят о сложности выдающегося певца и глашатая революции Егише Чаренца. Но лучше всех об этом сказал он сам в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей. «Да, мы недовольны левыми вульгаризаторами и покровительствующей им творческой практикой, но мы отстаем в поисках методов искусства отображения подлинной сложности эпохи», — говорил Чаренц. Он боролся за идейную сплоченность писателей, которые создадут великое искусство, и сложное и соответствующее «великолепной духовной конструкции человечества», строящего социализм. Сложное, но понятное и нужное народу искусство Чаренц назвал синтетическим искусством. Сложность этого искусства была определена еще и тем, что, как говорил Чаренц, оно выросло из убогих пеленок левовского утилитаризма. И Чаренц считал, что генеральной задачей в те годы было создание этого синтетического искусства. Владение высотами человеческой культуры, с одной стороны, и с другой — духовное богатство освобожденного народа рождали идею создания простого и сложного искусства. Предостерегая писателей от дурной простоты, Чаренц боролся за переоценку ценностей в поэзии, за новый синтез идейного богатства и высокой художественной формы.

В поэтическом сборнике Гегама Сарьяна (1956 г.) есть стихотво-

рение, в котором сложно переплетается общая жизнеутверждающая интонация вообще с тихой человеческой грустью. Вот оно, это стихотворение:

*Ես իջնում եմ ձորը, դու բարձրանում ես վեր,
Ինչ բարձրանում ես վեր, ես իջնում եմ ձորը,
Քո դեմ գալիս կյանքի լուսապայծառ լեռներ,
Ինչ դեմ օրը բացվող ու շողշողուն նորը՝
Ու շողշողուն նորը. անս, նայում է նա քեզ,
Տես, նայում է նա քեզ, այն շողշողուն նորը,
Դու բարձրանում ես վեր, իսկ ես իջնում եմ, անս,
Բսկ ես իջնում եմ, անս, դեպի ձորը, ձորը...*

Это подлинная сложность, и она проявилась в строе стиха, в интонации.

Но вот другой пример: стихотворение о жизни Амо Сагияна —

*Կյանքը իմ տանն է, ես նրա անբը
Այս նվիրական հողի վրա,
Այնպես շքեղ են նրա պատերը,
Այնպես ամուր է հիմքը նրա:*

Или еще пример: стихотворение Маро Маркарян о жизни, любви, солнце, весне —

*Կյանք ու սեր. բառը ինձ համար մեկ է:
Թե սեր չկա, ես չսաս աշխարհում,
Երկինքը պապուլա, արևը շեկ է,
Արև չունի. որտեղից զարուն:*

Всё в этих стихотворениях придумано — не только жизнь, дом, любовь и т. д., но и сама сложность поэтических ассоциаций. Сложность превращается в свою уродливую противоположность. Но эта нарочитая усложненность за последние годы успешно преодолевается нашими поэтами, число которых растёт, мастерство которых оттачивается.

Сегодня особенно радует многообразие имен, жанров, тематики, мастерства. В эти четыре года работало не одно поколение армянских поэтов — успешно продолжали работать писатели старшего поколения Наири Зарян и Гегам Сарян, создавали новые произведения, писали новые книги поэты среднего и младшего поколения — Амо Сагиян, Ованес Шираз, Сильва Капутикян, Рачия Ованесян, Геворк Эмин, Маро Маркарян, Ваагн Давтян, Паруйр Севак, Сагател Арутюнян, Ваагн Каренц и другие. В эти годы вошла в литературу с первыми своими произведениями литературная молодежь — она принесла с собой молодой задор, страстное сердце, беспокойные поиски и, к сожалению, хотя это и было неизбежно, — незрелость, неотточенное писательское мастерство. Три поколения поэтов — но не три, а одна дорога, хотя и множество писательских индивидуальностей.

Много хороших и разных создано в эти годы книг. Но дело не в этом количестве, хотя и это тоже очень отрадный факт. Дело в талантливом, по-настоящему художественном отражении правды нашей жизни, в верном, большом служении народу.

Борьба нашей партии за тесную связь искусства и литературы с жизнью народа, о которой говорил в своих выступлениях по вопросам литературы и искусства Н. С. Хрущев, уже принесла большие, ощутимые результаты. «А главная линия развития состоит в том, чтобы литература и искусство были всегда неразрывно связаны с жизнью народа, правдиво отображали богатство и многообразие нашей социалистической действительности, ярко и убедительно показывали великую преобразовательную деятельность советского народа, благородство его устремлений и целей, высокие моральные качества. Высшее общественное назначение литературы и искусства — поднимать народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма». Это единая линия борьбы за большую литературу, за подлинное служение литературы народу. И в этой борьбе свое место занимает и армянская советская поэзия.

Сегодня армянские советские поэты не только правильно и объективно, не только художественно отражают нашу советскую действительность, но и активно вторгаются в жизнь, по существу участвуют в буднях, делах советского человека. Наша поэзия стала более действенной. И не только потому, что расширился круг тем армянской советской поэзии. Дело в высокой, страстной заинтересованности в судьбах героев художественных произведений, в которых отражен советский человек, человек-труженик, созидатель новой жизни.

Жизнь — не только тема нашей литературы. Она и живительный источник литературы. Уход, отрыв от жизни губителен для писателя. Тесная связь с жизнью народа, служение народу — залог подлинного успеха в писательском труде. Анемичная поэзия, вульгаризируя самую идею искусства таким простеньким представлением каких-то тем, идей, настроений, по существу отрывается от правды жизни. Острое чувство времени помогает художнику не только активно вторгаться в жизнь, но и делает его творчество, отражающее его эпоху, в то же время интересным и для других эпох и народов. Главное условие успеха художника — кровная связь с народом, с эпохой, умение отразить ведущие тенденции эпохи, психологию эпохи, ее движущие силы, и отразить в высокохудожественной форме.

Нужно, чтобы каждое произведение служило правде нашей жизни.

Каждое стихотворение, все равно гражданское оно или лирическое, если оно написано с позиций социалистического реализма, с позиций коммунистической партийности, если оно талантливо и высокохудожественно воспекает жизнь и труд, любовь и творчество, дерзание и поиски советского человека, оно нужно, оно помогает жить и бороться. Но наша поэзия не только славит советского человека, воспекает нашу советскую новь. Это поэзия и больших раздумий, больших философских обобщений, больших поэтических поисков. И замечательной особенностью этой поэ-

зии является то, что ее ведущие гражданские темы Родины, мира, искусства и жизни, созидания новой жизни — это лирические, личные темы. Вот почему глубоко лирично стихотворение Гегама Сарьяна о коммунизме, который сегодня завоевывается в огромной и трудной борьбе, в борьбе за мир, за освобождение человека, за свободное его творчество, в борьбе с теми силами реакции, которые вносят в мир тревогу и обеспокоенность. Это невиданная, беспремерная борьба советских людей, всего передового человечества. И вот пламенные, лирические стихи Гегама Сарьяна об этой борьбе:

*Գոմունիզմը եւս սրանքի,
Սրանքի վրալով կգա նա,
Համայնական հասուն արանքի,
Սրանքի վրալով կգա նա,
Բժ երկրի փրփրաառջ ջրնքի,
Ջրերի կանչերով կգա նա.
Լույսով լի պղնձն լարերի,
Լարերի հոսանքով կգա նա:*

Сложное переплетение гражданской страстности с глубоко лирическим отношением к нашей советской жизни составляет главную отличительную особенность стихотворений армянских советских поэтов о Родине. Много стихотворений посвящено Родине. Это стихи, проникнутые сыновьей любовью к Родине, ее седым камням и солнечной весне. Это стихи Амо Сагияна, Рачия Ованесяна, Ваагна Давтяна и других наших поэтов о новой жизни всей Советской страны. Гражданская страстность и настоящее поэтическое мастерство отличают стихотворения, посвященные Советской Армении. Пламенная любовь к настоящему и будущему освобожденной Армении, само жизнеутверждающее содержание этих стихов определяют и их форму, интонации, ритмы. Твердость голоса, жизнерадостные ритмы определяют настроение стихотворений об Армении.

Нередко тайна удачи стихотворения в каком-то сокровенном настроении, в родниковой чистоте чувств. Таковы стихотворения «Армения в песнях» и «С пряным запахом нашего сада» Амо Сагияна, «Норкский тополь» и «Поход жнецов» Рачия Ованесяна, «Родные огни» Сарьяна, «Здесь Родина моя» Аршалуйс Маркарян, «Родина» Ваагна Каренца и многие другие.

Глубинный подтекст, подчас несущий на себе главную идейную и художественную нагрузку, контрастность чувств, интонаций, глубокий лиризм, жизнеутверждающее начало роднят все эти стихотворения. Есть в лирике последних лет стихи, которые порой грустны, тревожны. Но если это в сущности своей жизнеутверждающие стихи, то они нужны. Силой счастливо найденной поэтической формы одухотворяется идея, а единственные слова, ритмы, рифмы делают эту идею по-настоящему волнующей. В стихотворениях армянских поэтов главное — большая чело-

веческая любовь, в лучших из них нет и следа какой бы то ни было изощренности, они ясны, просты, внутренне взволнованы, в них любовь к Родине не декларируется, она в подтексте каждой строфы, каждой строчки. Это любовь к новой жизни Армении, ее суровой природе, к родным горам, затейливым и величавым, их вершинам с вечными снегами, к шелесту ветвей, огням городов, древним армянским легендам, созданным фантазией народа. В стихотворении «Араратская долина» поэтесса Сильва Капутикян говорит:

*Բայց ունի հոգին ուրիշ մի սեր,
Որ բնութիւն մեջ չկա կրկին,
Այն մարդու սերն է ողջանակը
'Ինչի հարկն էքն ու հարկն էին:*

В стихотворениях Маро Маркарян, Рипсима Погосян, Сагатела Арутюняна также отсутствует созерцательность, сторонняя наблюдательность; в лучших из них чувствуется глубокая заинтересованность, вторжение в мир героев, настоящая озабоченность их судьбой («Песня», «Гроздь винограда» Маро Маркарян, «Свободно шагаю я...» Рачия Ованесяна и другие).

Внутренний лиризм отличает эти стихотворения. Однако разговор о лиризме этих стихотворений — это не только разговор о форме, тематике и настроении их. Это более серьезный разговор. Лирика этих стихотворений — не только жанр, но и отношение к советской действительности.

Интересно творчество последних лет поэта лирического восприятия жизни Ованеса Ширази, который весь мир, казалось бы все явления действительности как бы преломляет через свое поэтическое видение жизни.

Советский человек — о нем созданы замечательные стихи поэтов Армении. Тема советского человека — ведущая и в стихах о Родине, и в стихах о мире, и в стихах об искусстве, и в стихах о великом созидании новой жизни. Это ведущая тема и любовной лирики Сильвы Капутикян, Амо Сагияна, Маро Маркарян, Гегамы Сарьяна. Голоса поэтов становятся в этих стихотворениях тише, интимнее, душевнее. В них и радости, и печали, и счастье, и грусть. Никогда не становятся любимыми лирические стихи, ханжески декларирующие вечное, свалившееся с неба легкое счастье. Дороги стихи о трудном, завоеванном счастье. Только такие стихи по-человечески понятны («Если песни слагаю я», «Яблоня» Гегамы Сарьяна, «Снова ноет в груди у меня» В. Каренца и др.).

Есть стихи, о которых подолгу раздумываешь, и не потому, что в них что-то непонятно. Нет, все в них как раз понятно и близко. А потому, что в них угадываешь еще и такое, чего нет на самой их поверхности. Это стихи, рожденные в раздумьях, поэтических поисках, раздумчивые, лирические стихи. В стихах-раздумьях Амо Сагияна, Геворка Эмина, Сильвы Капутикян нет таких готовеньких слов, образов — они не только удивительно точны, но и неожиданны, интересны. Стихи эти интерес-

ны не только захватывающей силой идеи, они неожиданны не только интонацией, настроением, поэтикой, они хороши не только выбором и поворотами темы, но и своим поэтическим видением мира. И когда поэт верен этой своей внутренней поэтической точке зрения, стихи его по настоящему интересны, глубоки. Тема этих стихотворений — жизнь, тема и огромная и личная. Жизнь с ее радостями, неожиданностями, чудесами, превратностями, жизнь, которая всегда удивительна в своих красках, противоречиях, непостижимости и богатстве («Фиалка» А. Сагияна, «Весеннее» Г. Эмина, «Запоздалая весна» С. Капутикян, «Родине» М. Маркарян). Безыскусственность многих из этих стихотворений не исключает их сложности. Но эта та самая сложность, которая отличает самую непростую жизнь, самое непростую любовь.

Однако случается и другое. Все в стихотворении правильно, ни к чему не придерешься и все-таки... нет стихотворения, нет поэзии. Вот два стихотворения Амо Сагияна: «Армения в песнях» и «Жизнь—мой дом». Они похожи и не похожи друг на друга. Похожи по теме и идее и не похожи по силе художественного мастерства, поэтическому мышлению, поискам самых необходимых слов, образов, ритмов. В первом стихотворении поэт показал уголок жизни, символизирующий Армению дореволюционную — грустная картина запустения, старинные песни с глубоко затаенной тоской, чахлый баштан, слезы изгнанников, боль скитальцев, одинокий журавль, изнуренная лоза. Новая жизнь возрожденной Армении показана в других красках. Советская Армения — это счастье народное, пламя заводов, богатые поля, весенние рощи, яркие мысли, новые песни, жажда жизни. Стихи эти взволнованные, хорошие. Но вот в другом стихотворении, «Жизнь—мой дом», та же примерно тема решена прямолинейно, риторически, нет в этом решении поэтической стихии, хотя произведение это гладкое, правильное. Этого, однако, для поэзии слишком мало. В подобных случаях вообще трудно говорить о поэзии. В этих стихотворениях гибнут самые большие идеи. Гибнут, а порою попросту дискредитируются. К счастью, это очень нехарактерно для поэзии Амо Сагияна. Потому что лучшие его стихи, как и стихи Рачия Ованесяна, Сильвы Капутикян, Ваагна Давтяна, Паруйра Севака и других наших поэтов, объединены какой-то охваченностью жизнью. Не составляет в этом смысле исключения и любовная лирика этих поэтов. Лирические стихи их разные, разные в них настроения. Однако любовь тут всегда большая, неугасимая, хотя порою и грустная, немножко безрадостная, но, конечно, всегда очень человеческая. Какие-то слова, детали делают эти стихи не только волнующими, но и особенно достоверными («Ни телеграммы, ни письма» Амо Сагияна, «Устав от огорчений повседневных» Сильвы Капутикян, «Пусть не я люблю всех прекрасных женщин» Паруйра Севака и другие). Это стихи о вечно беспокойной любви, встречах и разлуках, о милой, нелепой тревоге, мыслях, похожих на бред, о самых дорогих словах, книгах, рожденных любовью, о радостях и горестях любви. Все они, эти стихи, разные, почти нет в них утомительного повторения истертых и избитых приемов, примелькавшихся обра-

зов, дежурных слов. Даже стихи о весне не повторяют друг друга. Весна в них то радостная, щедрая, солнечная, то запоздалая, с тоской, в каких-то угасающих красках («Запоздалая весна» Сильвы Капутикян, «С весенней тоской» Амо Сагияна, «Весеннее» Паруйра Севака и др.). Напряженность чувств в этих стихотворениях подчеркивается иной раз логическим несоответствием, смешением красок. Часто это разговор наедине с собой, хотя стихи почти всегда обращены к кому-то. И хоть это нередко камерные, интимные стихи, все-таки они отличаются главным — сквозь настроение любых стихов проступает большая тема нового человека. Даже в грусти таких стихотворений, как «В лесу», «Поцелуй ветра» и «Лист» Амо Сагияна, рассказавших о дрожащих, ослабевших пальцах, об одиночестве уносимого ветром листаскитальца, о тоске и буйстве леса, — ощущаешь силу бури, тайну человеческого прозрения, стихийную радость жизни.

Անտառում խորին խորհուրդներ կալին
 Եվ արձագանքներ կալին անտառում,
 Օրոր էր ասում աշունն անտառում.
 Սակայն անտառի քունը չէր տանում:

Не узка, не ограничена эта поэзия. Есть в ней широта, поэтическая культура. Будучи национально и творчески глубоко самобытной, она благодаря идейно-художественному богатству, высокой поэтической культуре понятна и интересна не только армянскому читателю. О глубоких связях с жизнью советской Родины свидетельствует также одна из ведущих тем армянской советской поэзии — тема животворного советского патриотизма, тема дружбы народов («Мост братства» Сарьяна, «В Полтаве» А. Маркарян, «Москве» А. Сагияна, «В рощах Абхазии» Р. Ованесяна и др.).

Այդին այստեղ այնքան նազան,
 ձոխ սոսոս այնքան,
 Որ չես տեսել ևս Երազում.
 Եվ հեքիաթում անգամ...
 Ամեն մարդու հուր կկանչեմ,
 Երբ նոր այդին ևս կենչեմ,
 Եղբայրու՛թյան այդի—

Так говорит Амо Сагиян в стихотворении «Сад братства».

Большим и радостным событием в литературной жизни Армении последних четырех лет является приход в литературу отряда самых молодых. В наши дни так сильна тяга молодых людей к литературному труду, что, говоря о молодых литераторах, приходится иметь в виду не одно, а по крайней мере два поколения. Одно поколение — это те, кто только начинают свой литературный путь. Их принято называть начинающими. Это молодые люди, пробующие перо. Другое поколение молодых (не самых молодых) литераторов уже сейчас работает настойчи-

во и кропотливо. В секцию молодых писателей влилась большая группа литераторов; некоторые из их произведений уже появились на страницах периодической литературной печати. Заслуживают внимания и сборники молодых поэтов, вышедшие в издании Айпетрата. Это небольшие книжки Г. Артеяна, Б. Овсепяна, А. Саакяна, В. Бабаяна, Ж. Аветисяна, Н. Мовсесяна и других молодых писателей. Создали хорошие стихотворения поэты А. Саакян, С. Харазян, Н. Микаелян и другие. И самым замечательным, самым верным учителем молодых поэтов является наша жизнь. Тесная связь с ней, умение понять главное в ней и отразить это главное по-настоящему в художественной форме — единственный и единственно правильный путь советского писателя.

Есть, однако, и серьезные недостатки в этой поэзии. Есть недостатки общие.

Одним из серьезных недостатков нашей поэзии, в частности за период между третьим и четвертым писательскими съездами, является придуманная усложненность, бессмысленное, этакое ориентальное украшательство. Это большей частью происходит оттого, что писателю нечего рассказать, оттого, что не о чем ему говорить. И все-таки он говорит — он пишет стихи. О чем они? Ни о чем. «Простота — есть необходимое условие художественного произведения, по своей сущности отрицающее всякое внешнее украшение, всякую изысканность. Простота есть красота истины, — художественные произведения сильны ею, тогда как мнимохудожественные часто гибнут от нее, и потому по необходимости прибегают к изысканности, запутанности и необыкновенности», — писал Белинский. Многие из наших поэтов успешно преодолевают искусственно усложненную образность мышления, которая не проясняет, не усиливает поэтическую мысль, а, напротив, затуманивает ее, уводит от предмета изображения. Но, конечно, самым большим завоеванием армянской советской поэзии последних четырех лет, предшествующих писательскому съезду, является еще более усиливающаяся связь их творчества с жизнью народа. А это залог новых больших побед, новых больших успехов.